

УДК 1 (091)

Очередной сон Веры Павловны. (Из этюдной тетради по отечественной макроистории)

Р.И. Трипольский

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье с позиций макроистории рассматриваются особенности способа бытия отечественных властных и управленческих институтов, исследуется феномен их архаичности, связанный с культурой бедности.

Abstract. The paper reveals some features of existence of Russian authority and management institutions from the point of view of macrohistory. The phenomenon of their archaism connected to the culture of poverty has been considered.

Ключевые слова: институты, архаичность, бедность, культура бедности, машинобожие

Key words: institutions, archaism, poverty, culture of poverty

1. Введение

Один вопрос не перестает меня мучить в последнее время: Россия – современная страна? Нет смысла напоминать о том, что есть много определений современности. Но меня в данном случае интересует не спор о дефинициях "современности", а её, если можно так выразиться, реальные индикаторы. Для их выделения используем процедуру, которую *М. Вебер* (1990) назвал методом демонстрации и согласно которому три фактора должны быть учтены, когда мы проводим макроисторическое исследование: политика, экономика, культура. Именно такой метод позволяет не только выделить данные индикаторы, но и дать им множественные измерения и понять их как сложные переплетения социальной причинности. В нашем же случае – как индикаторы, манифестирующие определенное историческое содержание.

2. Исторические паттерны

Оглянемся вначале на нашу повседневную жизнь. Кругом мы видим массу вещей, которые говорят нам о том, что мы идем "в ногу со временем": у нас много компьютеров, мы используем фейсбук и твиттер; на улицах полно отличных автомобилей, на которых мы теперь спокойно можем передвигаться "по Европам"; наши мини- и супермаркеты набиты разнообразными товарами (были бы деньги!); у нас есть Президент, Государственная Дума, Совет Федерации, Конституционный суд и, страшно сказать, – полиция! К этому краткому списку каждый легко может добавить еще массу примеров, которые могут свидетельствовать о современности нашего дома – России. Однако почему мы все уверены, что нам необходима модернизация? Ведь по своему буквальному смыслу модернизация – это процесс перехода от чего-то, что является пока, скажем так, несовременным, к современности. То есть мы, несмотря на все эти атрибутивные и вещные свидетельства современности, полагаем или ощущаем, что наш дом фактически не современен. Тогда каков он?

Прежде чем дать ответ на данный вопрос, приглядимся пристальней к фактам нашей повседневной жизни. Но не просто приглядимся: постараемся увидеть их в отечественной социально-исторической перспективе. Факт первый: по разделительной линии трассы в сопровождении машины ГИБДД мчится лимузин с "мигалкой" – едет какое-то "начальство" или всеми уважаемый "барин-режиссер". Ничего из истории не напоминает? А царский или родовитого и богатого барина выезд со скачущими впереди конниками? И крик фореятора – "Пади! Пади!" – разве не аналог сегодняшней "мигалки"? Факт второй: Президент внес закон в Государственную Думу – Дума большинством голосов одобрила его принятие. И что-то я не припомню ситуации, когда Дума такой закон не только бы отклонила, но и подробно обсуждала. Наш парламент, как известно, – не место для дискуссий. Тогда всё в нашей сегодняшней Думе происходит по известной исторической формуле: "Царь решил – бояре приговорили". Факт третий: XVI – XVII вв. – Россия торгует пенькой, ворванью и рухлядью (пушнинной – "мягким золотом"). В XVIII в. к этим традиционным товарам добавляется торговля чугуном. А в XIX – начале XX вв. – пшеница, масло и оружие. Сегодня, как всем известно, большинство золотовалютных поступлений в российский бюджет опять приходится от торговли металлом, газом и "черным золотом" – нефтью. И, разумеется, от торговли оружием, единственным, по сути, высокотехнологичным товаром.

Следующий факт: сегодня Россию, её население и бизнес "кошмарят" многочисленное чиновничество, контролирующие органы (включая налоговые), "басманное правосудие" и всепроникающие поборы. Но разве для истории государства Российского это что-то новое? Вряд ли в ней мы найдем периоды, свободные от господства "крапивного семени" – чиновников, удушающих население, его производящий и торговый слой, степенью налогового бремени, взяточничеством, несправедливым судом и т.п. Пожалуй, от такого господства свободны были только некоторые, относительно короткие периоды существования советской власти; но и тогда в них наличествовали другие, более страшные кошмары, аналоги которых мы быстро найдем в богатой на события российской истории.

Подобного рода сравнения, а я бы выразился в более сильной версии – содержательные исторические соответствия – можно легко умножить. Но здесь я ограничусь только еще двумя. Очевидно, наш сегодняшний дуумвират имеет историческое соответствие (что, несомненно, стало понятным 24 сентября 2011 г.) реальному факту из эпохи царствования царя Ивана Грозного: последний, как известно, на короткое время уступил свой трон потомку татарских ханов Сименону Бекбулатовичу. А наш современник Б.А. Березовский, по-видимому, по всё той же логике может рассматриваться как воплощающий перипетиями своей судьбы фигуры двух известных исторических персонажей: одновременно А. Курбского и "святого чёрта" Распутина.

Разумеется, меня можно упрекнуть в некорректности проведения такого рода социально-исторических и экономических соответствий. Однако прошу обратить внимание, что я не просто фиксирую факт таких соответствий, но настаиваю на их историческом содержательном единстве. Такое единство в общем случае, например, означает, что многие сегодняшние, по форме современные, властные и управленческие институты имеют не только свои исторические аналоги, но сами, по сути, являются архаичными. И поэтому я не разделяю той точки зрения, что за последние двадцать лет современной истории России мы сталкиваемся с процессом архаизации её бытия как государства и общества. По моему мнению, Россия как была, так и продолжает с точки зрения институтов (за редкими исключениями) оставаться во многом ещё архаичным государством и обществом. При этом я провожу различие между архаичностью и традицией. Если первая есть характеристика, не зависимо от исторической формы, способа бытия властных и управленческих институтов, то традиция – реальный механизм её функционирования. И в этом и только в этом смысле я могу утверждать, что архаичность как способ бытия определенного властного или управленческого института является в нашей стране исторически более устойчивой (если хотите, есть своеобразный содержательный паттерн), чем относительная изменчивость реализующей её традиции.

Это всегда необходимо иметь в виду, когда мы пытаемся квалифицировать или дать характеристику "порядка функционирования" какого-либо современного отечественного властного или управленческого института или какой-либо реализующей его традиции. Например, обратимся к столь популярному ныне феномену коррупции. Я утверждаю, что феномен коррупции, вопреки широко распространенному мнению как в нашем, так и не только в нашем обществе, на самом деле не так уж и всеохватывающ. То, что мы часто определяем как "коррупция", по крайней мере, в отношении многочисленных представителей вертикали власти, фактически есть просто такой их институционально-архаичный "способ бытия", который в отечественной истории хорошо известен как феномен "кормления". Механизмом же реализации этого способа бытия во все периоды российской истории всегда была простая административно-хозяйственная традиция: "распил – откат – занос". По этой же традиции функционирует и множество "механизмов" сегодняшней "вертикали". К этому, однако, следует добавить, что феномен "кормления" и реализующий его механизм в нашей повседневности уже вышел за свои исторические рамки – он стал присущ и другим общественным институтам: образованию, здравоохранению и т.д., включив их в наше общество в новую "бюджетную вертикаль". Ведь раньше учителя и врачи, как известно, брали подарки, но не взятки. А собственно же феноменом "коррупции" можно охарактеризовать только определенного вида деяния (описанные в современном Уголовном кодексе) чиновников, выполняющих вполне конкретные государственные функции. Поэтому, по моему мнению, "борьба с коррупцией" у нас и неэффективна: мы, фактически, не с тем "зверем" боремся и не теми методами.

Почему же указанная архаичность как способ бытия наших властных и управленческих институтов исторически все воспроизводится и воспроизводится? В качестве возможных ответов на этот вопрос я сформулирую несколько тезисов. Россия исторически всегда – и нынешнее время не исключение – была и остается страной бедных. Не будем ссылаться на историческую статистику: она хорошо известна. Но вот самое последнее исследование Института социологии РАН с характерным названием "Российское общество как оно есть" (Горшков, 2011). Согласно этому исследованию, за чертой бедности (с доходом 5801 руб.\чел.) находится 16 % населения нашей страны; малообеспеченных в нашей стране (с доходом 7562 руб.\чел.) – 43 %; средний слой составляет 33 %, его "относительное

благополучие" (*термин из исследования – авт.*) выражается в следующей сумме: 14363 руб./чел. Фактически бедных в нашей стране – 59 % населения! И ещё одна цифра из этого исследования: среди бедных 27 % имеют высшее и незаконченное высшее образование!

Каковы же причины этой бедности, по мнению авторов исследования? В качестве таковых они указывают на так называемые макроэкономические факторы и состояние рынка труда. По моему же мнению, "макроэкономические факторы" в данном исследовании – это типичный эвфемизм для обозначения финансово-экономических проблем, возникающих в ресурсно-ориентированной экономике; вторая же причина, по сути, не является самостоятельной, она – следствие первой, результат поразившей нашу экономику "голландской болезни". Характеристику современной бедности, дополнительно к настоящему исследованию, можно было бы ещё проиллюстрировать и уровнем пенсионного обеспечения в нашей стране.

Наличие массовой традиционной и новой бедности, существование в России "культуры бедности" как раньше, так и сейчас формулирует в российском обществе вполне конкретный запрос на сильный этатизм в его определенной архаичной самодержавной форме с присущими ему неизменными "раздачами" и "пожалованиями". В российской истории, как известно, этот запрос всегда имел институционально-персоналистский характер: раздавал-то и жаловал или конкретный барин, или царь-батюшка. И симпатии многочисленного бедного населения – а в сегодняшних понятиях "электората" – всегда были на стороне "хорошего барина" или "доброего и справедливого царя". Или, в случаях возникающих массовых антипатий, – канализировались и до сих пор продолжают канализоваться против "плохих бояр", писцов-чиновников, разворовавших "пожалованное" "батюшкой" и т.п. Здесь же замечу, что и процесс приватизации в новейшей российской истории также был осуществлен по данному, без сомнения архаичному, порядку – путем "раздач и пожалований" новым "ближним боярам". И именно поэтому бедное население так антипатично относится к его результатам и персонализирующим их олигархам и "новым русским". По сути, сформированная сегодня вертикаль власти, как бы ни оценивать успешность или безуспешность её функционирования в деле "раздач и пожалований"; "думский корпус", приговаривающий значительную социальную нагрузку на бюджеты всех уровней, от федерального до муниципальных, – фактически есть институциональный и финансово-экономический (какой бы риторикой он ни прикрывался) ответ "царя-батюшки" на этот запрос и самое яркое подтверждение существования фактического уровня бедности основной массы российского населения.

3. Архаичность и культура бедности

Архаичность как способ бытия отечественных властных и управленческих институтов, если рассматривать её саму по себе, исторически многослойна. Один из таких "слоёв" был описан как феномен "машинобожие" еще в моей монографии в начале 90-х годов прошлого века (*Трипольский, 1993*). Если коротко, то суть "машинобожия" основывается на представлении об обществе как "Большой Машине"; эта машина функционирует по правилам "социальной механики" и может проектироваться и изготавливаться по правилам и методами "социальной инженерии". Понятно, что в такой "Машине" люди – просто "винтики", любые общественные институты – "приводные ремни", все в этой "Машине" должно совершаться по единому плану, а сама она должна "включаться, выключаться и ремонтироваться" только тем, кто сидит "на кнопке" – Хозяином! Хочу здесь напомнить, что представления об обществе как "Большой Машине" впервые были сформулированы во французской философии эпохи Просвещения, тогда же были разработаны и основные идеи "социальной механики" и "социальной инженерии". Очевидно, что данные представления о функционировании общественного механизма получили свое самое полное воплощение в СССР, но с определенной отечественной спецификой, которая была обусловлена стоящими тогда перед страной задачами ускоренной технологической модернизации. Суть же этой специфики состояла в массовом использовании "колхозизации" (исторический аналог – "огораживания" в Англии XXVII в.) для получения необходимых для модернизации финансовых средств; для создания резервной армии труда и в подневольном ее использовании, в том числе и в гугаговском варианте (отечественный исторический аналог – использование крепостных для строительства Демидовских заводов или современного Санкт-Петербурга).

Этот список исторических аналогий легко можно умножить. Но я хочу обратить внимание на два важных, с моей точки зрения, обстоятельства. Первое из них состоит в том, что для осуществления технологической модернизации – ускоренного перехода к современности во всех отношениях такой промышленно отсталой страны как Россия – были использованы уже достаточно архаичные для 30-х гг. XX в. идеи "социальной механики" (вопреки тому, что сам Хозяин – Сталин – полагал себя великим знатоком диалектики и исторического материализма). И второе – что процесс такой модернизации

осуществлялся опять же архаичным, уходящим своими корнями в способы управления страной царями Иваном Грозным и Петром I, режимом "ручного управления" как самим Хозяином, так и другими хозяевами с маленькой буквы на разных уровнях функционирования "Общества-Машины". При этом в процессе модернизации, как мы знаем, были задействованы и свои "опричники", и свои Меньшиковы.

Тем не менее, надо признать, что именно Сталин, а не японцы, открыл такой способ развития общества как "технологическая модернизация через архаику". И действительно, в этом смысле Сталин – эффективный менеджер! Но проведенная им модернизация, хотя и создала технологически современную (для своего времени) промышленную базу страны, однако ещё больше укрепила в ней исторически архаичные властные и управленческие институты. Само же общество также "модернизировалось" – оно стало действительно "коммунистическим" – и получило, при определенных социальных гарантиях со стороны властных и управляющих институтов, архаично понимаемое равенство, "равенство в нищете".

4. Заключение

Нетрудно заметить, что название моей статьи – прямая отсылка к названию романа Н.Г. Чернышевского "Что делать?". Сам этот вопрос – "Что делать?" – и другой, связанный с ним в отечественной традиции, – "Кто виноват?" – всегда возникают только тогда, когда общество задумывается о путях дальнейшего развития нашего общего "Русского Дома". Но моя формулировка второго вопроса выглядит так: "Кто виноват в исторически хронической бедности российского населения, притом что сама Россия является богатейшей страной?"

Ответ предельно ясен: архаичность институтов и господствующий тип культуры. И я полагаю, что главной составляющей "национальной идеи" на уровне населения – а сама событийная история России это доказывает – всегда и сегодня была не забота о величии государства Российского как института, а желание преодолеть собственную бедность не только как экономическую повседневность, но и как тип отечественной культуры. Тогда, учитывая вышеизложенное, ответ на первый вопрос – "Что делать?" – я бы коротко сформулировал так: "Чтобы преодолеть реальную хроническую бедность и отечественную культуру бедности надо, наконец, преодолеть российскую институциональную архаичность!" Однако этот простой ответ сразу ставит в повестку дня другой вопрос: "Как?" И простого ответа, учитывая, что архаичными являются не только наши властные и управленческие институты, но и само наше общество и во многом наше массовое сознание, – на него не существует.

Теперь о содержании "очередного сна Веры Павловны". Сон очень непродолжительный. Снится Вере Павловне, что она присутствует на Конституционном Собрании, когда принимается новая Конституция России. Россия, наконец-то, становится парламентской республикой. Начинается новый этап модернизации страны. На календаре – 20...г.

Еще один сон Веры Павловны. Он также непродолжительный. Снится Вере Павловне, что она присутствует на Конституционном Собрании, когда принимается новая Конституция России. Россия, наконец-то становится государством с конституционной монархией. Начинается новый этап модернизации страны. На календаре – 20...г.

Как вы думаете – сны сбываются? Ну и какой же из них сбудется?

Литература

- Вебер М.** Избранные произведения. *Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко.* М., Прогресс, 808 с., 1990.
- Горшков Н.К.** Российское общество как оно есть. *Институт социологии РАН. М., Изд-во Новый Хронограф, 672 с., 2011.*
- Трипольский Р.И.** Изменения в экономике: опыт исследования теоретико-мировоззренческих ориентаций. *Апатиты, КНЦ РАН, 208 с., 1993.*